

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА / YOUNG VOICES

Предложения со значением ликвидации результата действия как семантико-структурный тип

И. В. Мухачёва

Sentences denoting the elimination of the result of an action as a semantic-structural type

I. V. Mukhacheva

Ирина Валерьевна Мухачёва – кандидат филологических наук; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

E-mail: imukhachyova@yandex.ru

Статья поступила. 15.04.2023. Принята к печати: 30.04.2023.

Статья посвящена русским предложениям со значением ликвидации результата предшествующего действия. Анализируются их семантическое и синтаксическое устройство с целью понять, представляют ли подобные предложения единый семантико-структурный тип. Анализ показывает, что предложения рассматриваемого типа имеют сходное пропозициональное устройство. Они содержат пропозицию-макроситуацию, в которой выделяются ликвидируемая ситуация; ситуация-действие, направленная на ликвидацию результата предшествующего действия; и новая ситуация. Имея в целом сходное семантическое устройство, предложения анализируемого типа, тем не менее, отличаются друг от друга более частными семантическими аспектами. Среди них выделяется подтип предложений со значением ликвидации контакта с тремя обязательными актантами (Субъект, Объект 1 и Объект 2) и подтип предложений со значением изменения формы предмета с двумя обязательными актантами (Субъект и Объект). Несмотря на семантические различия, синтаксически предложения со значением ликвидации результата действия строятся по общей модели: 'Субъект + предикат со значением ликвидации результата действия + Объект'. Эта общая модель реализуется в двух частных моделях для каждого подтипа предложений. Предложения со значением ликвидации контакта строятся по модели 'Субъект + предикат ликвидации контакта + Объект 1 и / или Объект 2': *Мама раздвинула занавески; Солдат разобрал пулемет; Рабочие разгрузили машину*. Предложения со значением изменения формы предмета строятся по модели 'Субъект + предикат изменения формы + Объект': *Мама развернула небрежно скатанный ковер*.

Ключевые слова: ликвидация результата действия, модель предложения, тип предложения, семантическая валентность, диатеза

УДК 81.367.5

Irina V. Mukhacheva — candidate of Philological Sciences; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

ORCID 0000-0003-2321-8507

Received: 15/04/2023. Accepted for publication: 30/04/2023.

The article is devoted to Russian sentences denoting the elimination of the result of the previous action. Their semantic and syntactic structures are analyzed in order to understand whether such sentences constitute a united semantic-structural type. The analysis shows that these sentences have a similar propositional structure. They include a proposition-macro-situation which consists of three situations: the liquidated situation; situation-action aimed at eliminating the result of the previous action and new situation. The sentences have a similar semantic structure in general, but they differ from each other in more particular semantic aspects. There are two subtypes among them. The first subtype denotes the elimination of contact. The sentences of this subtype have three obligatory actants – Subject, Object 1 and Object 2. The second subtype denotes changing the shape of an object. The sentences of this subtype have two obligatory actants – Subject and Object. In spite of semantic differences, syntactically sentences denoting the elimination of the result of an action are built according to the general model: 'Subject + predicate with the meaning of eliminating the result of an action + Object'. This general model is realized in two particular models for each sentence subtype. Sentences denote the elimination of contact are constructed according to the model 'Subject + predicate of the elimination of contact + Object 1 and / or Object 2': *Mama razdvinula zhanaveski* ('Mom parted the curtains'); *Soldat razobral pulemet* ('The soldier dismantled the machine gun'); *Rabochie razgruzili mashinu* ('The workers unloaded the car'). Sentences denote changing of the shape of an object are built according to the model 'Subject + predicate of changing shape + Object': *Mama razvernula nebrezhno skatannyy kover* ('Mom unrolled a carelessly rolled carpet').

Keywords: elimination of the result of an action, sentence pattern, sentence type, semantic valency, diathesis

OECD: 6.02.OT

V

Постановка проблемы. В статье рассматриваются предложения, обозначающие ликвидацию результата предшествующего действия, такие как *Мама раздвинула занавески; Солдат разобрал пулемет; Рабочие разгрузили машину* и т.п. Подобные предложения, предположительно, могут составлять единый семантико-структурный

тип – при условии, что они обладают сходными семантическими и синтаксическими особенностями. Выяснение того, формируют ли такие предложения особый семантико-структурный тип – задача настоящей статьи.

История вопроса. Современная синтаксическая наука, будучи разделом грамматики, основной задачей которого является «обследование жизни предложения» [Арутюнова, 2019, с. 5], не ограничивается, тем не менее, изучением только формального устройства предложения. В сферу ее интереса попадает также семантика предложения и его коммуникативное устройство – те аспекты организации предложения, которые до относительно недавнего времени оставались почти вне поля зрения лингвистов.

«Штурм семантики предложения», начавшийся с середины 70-х годов прошлого века, был вызван множеством факторов (см., например, [Арутюнова, 2019, с. 5–6]) и привел к возникновению и развитию целого ряда теоретических концепций, часть из которых предлагает взгляд на предложение как на своеобразную структурно-семантическую модель (ср. [Золотова, 1973]) или логико-семантический тип (ср. [Арутюнова, 2019]). При подобных подходах учитывается основное, типовое значение предложения, которое находит отражение в особенностях его формального или коммуникативного устройства.

Выделение и описание моделей или типов предложения базируется, по сути, на идее о том, что семантика предложения, вбирающая в себя семантику входящих в него компонентов, оказывает определенное влияние на его структуру, в частности на грамматические особенности.

Идея о связи семантики и синтаксиса, об отсутствии четкой границы между грамматикой и словарем – одна из основных идей в теоретической концепции Московской семантической школы. Эта мысль, высказанная в работах Ю. Д. Апресяна ([Апресян, 1995], [Теоретические проблемы, 2010]), Е. В. Падучевой ([Падучева, 2004]) и др., позволяет допустить, что русские предложения определенной семантики можно представить как особый семантико-структурный тип.

В настоящей статье проверим сформулированную гипотезу на материале предложений, называющих ситуации ликвидации результата действия, ограничившись теми, которые содержат глаголы с приставкой *раз-* (*разгрузить, развязать, расплести* и т. п.): *Рабочие разгрузили машину; Врач разбинтовал руку* и т. п. Заметим, что у приставочной морфемы *раз-* есть два алломорфа: *раз-* (с вариантом написания *рас-*) и *разо-*. Говоря о приставочной морфеме *раз-*, мы имеем в виду все ее алломорфы.

Методология и методика исследования. Теоретической и методологической основой исследования служат работы представителей Московской семантической

школы: Ю. Д. Апресяна, И. А. Мельчука и других – а также школы Е. В. Падучевой. Кроме того, мы ориентируемся на работы по семантике и грамматике таких лингвистов, как Н. Д. Арутюнова, В. С. Храковский, Анна А. Зализняк, Е. В. Рахилина и другие.

В исследовании используются описательный, сопоставительный, классификационный методы, а также методы интроспекции и семантического анализа предложений со значением ликвидации результата.

По мысли В. С. Храковского, «смысловая структура предложения представляет собой вырезанный и обработанный мыслью и языком фрагмент действительности» [Храковский, 1972, с. 5]. Отражение в предложении фрагмента действительности, то есть ситуации внеязыковой действительности, принято обозначать термином «пропозиция» или синонимичными ему терминами «событие», «ситуация», «положение дел». Вслед за Т. В. Шмелевой, мы понимаем под пропозицией «языковое воплощение некоего положения дел в действительности, ситуации» [Шмелева, 1994, с. 7].

Пропозиции, отражающие все многообразие и разнообразие ситуаций внеязыковой действительности, сами весьма разнообразны, поэтому лингвисты предпринимают попытки построения их классификаций, выделения различных типов пропозиций. Один из вариантов классификации пропозиций представлен в [Шмелева, 1994].

Согласно этой классификации, в предложениях типа *Рабочие разгрузили машину* представлены событийные пропозиции действия. Тип пропозиций действия – крупный тип, включающий в себя обозначения большого количества разнообразных внеязыковых ситуаций: ситуаций воздействия, ситуаций создания новых объектов или уничтожения уже существующих и т. д. Учитывая разнообразие разновидностей пропозиций действия, представляется важным описать пропозицию ликвидации результата действия подробным образом.

Пропозиция ликвидации результата действия – подтип пропозиций, который представляется возможным называть ликвидативными. Под ликвидативными пропозициями мы понимаем такие, которые отражают ликвидацию, то есть уничтожение, прекращение существования или деятельности кого-либо или чего-либо.

На наш взгляд, все ликвидативные ситуации, согласно терминологии, предложенной в [Типология, 1969], являются макроситуациями, то есть состоят из двух простых ситуаций, связанных друг с другом определенными отношениями. Язык позволяет описывать макроситуации в одних случаях называя каждую из входящих в них ситуаций отдельно (*Он видит, как она пьет воду; Когда он вернулся, мы сели за ужин* – примеры из [Типология, 1969, с. 6]), и, не делая этого в других случаях, как бы упаковывая эту информацию в семантику предиката.

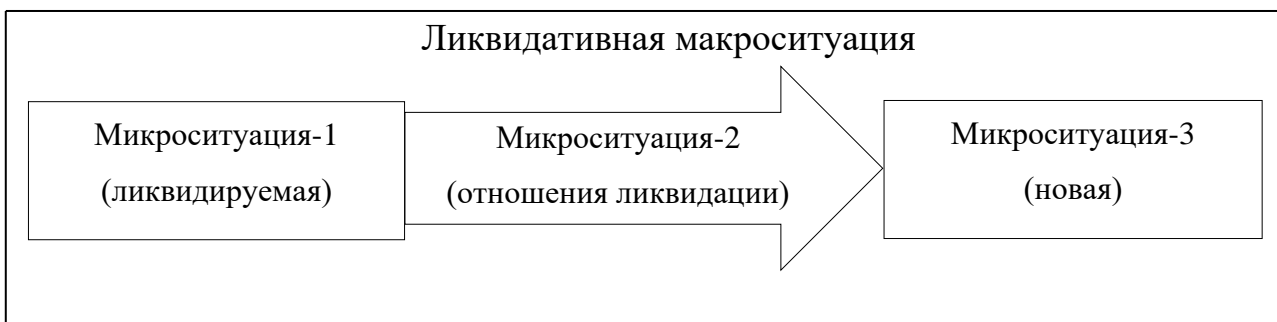
Так, ликвидативная ситуация *Огонь погас*, кажущаяся на первый взгляд простой, оказывается тем не менее макроситуацией, поскольку отражает отношения, связь между двумя ситуациями: ‘Огонь горел, существовал’ → ‘Огонь погас, перестал существовать’.

Отношения между двумя ситуациями, никак не эксплицированные в предложении *Огонь погас*, могут быть разными: *подул ветер, прогорели дрова, человек вылил воду в огонь* и т. д. Принципиально важно, что эти отношения, то есть причина, приведшая к затуханию огня, обязательно есть, даже если в семантике предложения в целом или в семантике предиката, входящего в его состав, нет подобной информации. Таким образом, можно сказать, что ситуация *Огонь погас* включает в себя следующие ситуации, взаимосвязанные друг с другом: ‘Существовал огонь’ → ‘Случилось что-то, явившееся причиной того, что огонь погас’ → ‘Огонь больше не существует’.

Изложенные рассуждения убеждают в том, что даже такая «простая» на первый взгляд ликвидативная ситуация, как *Огонь погас*, является на самом деле макроситуацией, состоящей из двух ситуаций, соединенных определенными – ликвидативными – отношениями, которые в свою очередь тоже являются ситуацией, будучи каким-либо действием, происшествием или явлением.

Сложное, многочленное устройство ликвидативных ситуаций можно изобразить схематично следующим образом (см. Схему 1).

Схема 1. Ликвидативная макроситуация

Предложенная схема должна быть универсальна для всех ликвидативных ситуаций, в том числе для ситуаций ликвидации результата предшествующего действия.

Действительно, в ситуации *Рабочие разгрузили машину* выделяется исходная, ликвидируемая ситуация – ‘Машина нагружена’ – и новая, возникающая в результате определенного действия – ‘Машина разгружена’. Исходная и новая ситуации связаны еще одной, которая обозначается глаголом *разгрузить*. Ситуация ‘разгрузить’ заключается в том, что, вынимая или снимая груз с транспортного средства, человек делает нагруженный ранее предмет свободным от груза, то есть ликвидирует определенное состояние предмета. Глагол *разгрузить*, таким образом, фиксирует отношения между исходной и новой ситуацией и одновременно называет еще одну ситуацию, которая выступает причиной (в широком смысле) превращения исходной ситуации в новую. Итак, ситуация *Рабочие разгрузили машину* состоит из трех взаимосвязанных ситуаций: ‘Машина была нагружена’ → ‘Рабочие разгрузили машину’ → ‘Машина перестала быть нагруженной’, то есть полностью вписывается в предложенную выше схему.

Однако для отграничения ситуаций ликвидации результата действия от всех остальных ликвидативных ситуаций в схему необходимо добавить элемент, показывающий, что ликвидируемая ситуация является результатом предшествующего действия. Информация о предшествующем действии, точнее, о его результате, как бы вшита, встроена в такие пропозиции, даже если не выражена эксплицитно: невозможно ликвидировать результат действия, если действия не происходило и не был достигнут его результат.

Возможная модификация Схемы 1, отражающая устройство ситуаций ликвидации результата действия, представлена ниже (см. Схему 2). Предшествующее действие на схеме как бы вынесено за скобки, потому что оно как таковое ситуацией ликвидации не затрагивается: в ней участвует в функции первой, ликвидируемой ситуации лишь его результат.

Схема 2. Ситуация ликвидации результата действия

Таким образом, ситуации ликвидации результата действия имеют довольно сложное устройство, проанализировав которое, мы вычленили в семантике таких пропозиций собственно пропозитивный смысл, являющийся, однако, не единственным смысловым слоем в объективном содержании предложения. Помимо собственно пропозитивного смысла, диктумное содержание предложения включает еще внутрипропозитивный смысл – «отражающий структуру пропозиции» [Шмелева, 1994, с. 7].

Внутренняя структура пропозиции определяется главным образом количеством и характером актантов – компонентов, соответствующих обязательным участникам ситуации. Количество и характер актантов предопределяются, в свою очередь, устройством ситуации, а именно количеством и ролью обязательных участников, задействованных в ней. Следовательно, чтобы проанализировать внутреннюю структуру пропозиции, необходимо представить типично устроенную ситуацию и выявить участников, которые необходимы в ней.

Ситуации ликвидации результата действия неоднотипны, разнородны. Мы сосредотачиваем внимание только на таких ситуациях, в которых совершается физическое действие с предметом.

Представляется, что среди таких ситуаций можно выделить два больших типа – во-первых, ситуации, в которых происходит ликвидация контакта между предметами или частями предмета, и, во-вторых, ситуации, в которых изменяется форма предмета, приданная ему в ходе предшествующего действия. И ликвидация контакта,

и изменение формы происходят в результате намеренного действия, то есть в обоих типах таких ситуаций первым актантом является Субъект.

Субъект в ситуациях обоих типов производит физическое действие с предметом или предметами, которые подвергаются действию и выполняют роль Объекта. В этом отношении ситуации рассматриваемых двух типов устроены по-разному.

В ситуациях ликвидации контакта обязательно имеется два предмета или большее их количество, выполняющих роль Объекта, иначе был бы невозможен контакт. Несмотря на то, что в ситуации такие предметы могут участвовать одинаковым или сходным образом, в структуре пропозиции каждому из них соответствует отдельный актант – Объект 1 и Объект 2, поскольку только так, фиксируя два объекта в качестве отдельных участников, удастся адекватно отразить организацию ситуаций ликвидации контакта.

Внутри типа ситуаций ликвидации контакта можно выделить несколько подтипов, несколько разновидностей таких ситуаций. Так, в некоторых из них происходит ликвидация контакта между предметами или деталями предмета, в результате чего они перестают соприкасаться друг с другом: *Мама раздвинула занавески; Солдат разобрал пулемет* и т. п.

В другом подтипе ситуаций ликвидации контакта происходит освобождение одного предмета от другого предмета или от субстанции, с которыми предмет соприкасался: *Врач разбинтовал руку; Рабочие разгрузили машину; Официант раскупорил бутылку шампанского* и т. п.

Несмотря на разнообразие ситуаций ликвидации контакта, относительно всех из них верно то, что Субъект взаимодействует с двумя предметами – Объектом 1 и Объектом 2.

Иначе в этом отношении устроены ситуации другого типа – такие, в которых в результате действия Субъекта меняется форма предмета. В структуре таких ситуаций имеется один предмет, выполняющий роль Объекта: *Мама развернула небрежно скатанный ковер* и т. п. Подобные пропозиции содержат в своем составе два актанта – Субъект и Объект.

Безусловно, структуру пропозиции можно характеризовать подробнее, описывая ее факультативные компоненты – сирконстанты. Однако представляется, что данной выше характеристики пропозиций ликвидации результата действия достаточно для понимания семантической составляющей предложений с ними.

Поскольку глаголы со сходной семантикой, по мысли представителей Московской семантической школы, обладают сходными языковыми особенностями, естественно ожидать, что содержащие их предложения должны иметь сходную структуру.

Проанализировав общее семантическое устройство предложений со значением ликвидации результата действия, обратимся к рассмотрению их структурно-грамматических особенностей.

На синтаксическую структуру предложения оказывают влияние семантические роли участников ситуации, то есть компонентов пропозиции. «При употреблении глагола в предложении участнику с данной ролью обычно соответствует тот или иной

подчиненный глагола, например, подлежащее, дополнение, обстоятельство – синтаксический актанта» [Падучева, 2004, с. 52]. По свойствам синтаксического актанта зачастую можно понять семантическую роль участника, которому он соответствует. Так, в прототипическом случае подлежащее называет Субъекта ситуации, а дополнение – Адресата или Объект.

Семантическая роль тесно связана с еще одним понятием – семантической валентностью. Е. В. Падучева отождествляет эти два понятия, замечая, что «семантическая валентность – это то же, что роль участника (например, у *побить* есть два участника – Агенс и Пациенс; и, соответственно, две валентности)» [Падучева, 2004, с. 54]. Именно семантическая валентность позволяет глаголу подчинять зависимое, соотносящееся с соответствующей семантической ролью участника ситуации. Такое зависимое можно считать обсужденным выше синтаксическим актанта, а можно называть синтаксической валентностью. По определению Е. В. Падучевой, «синтаксическая валентность – это морфо-синтаксическая форма того языкового выражения, которое сопоставляется участнику с данной ролью в предложении» [Падучева, 2004, с. 55].

Понятия участника ситуации, актанта, семантической и синтаксической валентностей крайне важны при обсуждении синтаксической структуры предложения, во многом предопределенной семантикой употребленного в нем глагола. Не менее значимым для этих целей является понятие коммуникативного ранга участника, который необходимо отличать от семантической роли участника.

Подобно семантической роли, коммуникативный ранг определяет синтаксическое оформление участника. Отличие коммуникативного ранга от семантической роли заключается в том, что ранг – «это прагматическая характеристика: она определяет участника через его отношение к фокусу внимания говорящего» [Падучева, 2004, с. 58], в то время как роль – это объективная информация о функции участника в обозначаемой глаголом ситуации.

Итак, коммуникативный ранг участника отражает некоторое отношение говорящего к тому или иному участнику: если для говорящего участник важен, он помещает его в Центр зоны внимания; если не очень важен – на Периферию этой зоны; если совсем не значим – за пределы периферии, За кадр. Ранг участника находит отражение в синтаксической позиции, которую занимает словоформа с соответствующим значением. Так, синтаксические позиции синтаксического субъекта (обычно это подлежащее) и синтаксического объекта (обычно это прямое дополнение) занимают участники, представляющие наибольший интерес.

Коммуникативный ранг участника зачастую может изменяться: он во многом зависит от воли говорящего. При изменении ранга не происходит изменения семантической роли участника. Так, в обоих примерах из [Падучева, 2004, с. 59]: *загрузил наши кирпичи на свой грузовик / загрузил детский грузовик кирпичами* – участник *грузовик* имеет одну и ту же семантическую роль – Место, но разный коммуникативный ранг. В случае *загрузил детский грузовик кирпичами* ранг участника *грузовик* выше, так как соответствующая словоформа занимает позицию синтаксического объекта.

Значимость такой характеристики участника, как коммуникативный ранг, проявляется во всей полноте при обсуждении понятия диатезы.

Диатеза определяется Е. В. Падучевой как «соответствие между семантическими ролями участников и их синтаксическими позициями» [Падучева, 2004, с. 51]. В своей работе Е. В. Падучева использует понятие диатезы, которое, как отмечает она сама, было введено в 1970 году в статье И. А. Мельчука и А. А. Холодовича (имеется в виду работа [Мельчук, Холодович, 1970]) и дает его уточненное определение.

Диатеза может меняться, а значит, одна глагольная лексема может иметь несколько диатез. Изменение синтаксических позиций участников с заданными ролями и есть изменение диатезы, или диатетический сдвиг. Если лексема допускает диатетический сдвиг, то есть характеризуется несколькими диатезами, то одна из диатез принимается за исходную.

Самый частотный случай диатетического сдвига у глагола связан с залогом. Предложения *Разбойники убили крестьянина* и *Крестьянин был убит разбойниками* (примеры из [Падучева, 2004, с. 51]) описывают одну и ту же ситуацию, следовательно, в них употребляется одна и та же лексема *убить*, но в первом предложении она в активном залоге, а во втором – в пассивном. Изменение диатезы при переходе от активного залога к пассивному сводится к тому, что Агенс из позиции субъекта, находящейся в центре внимания, смещается на периферию, будучи выраженным косвенным дополнением.

Нетрудно заметить, что в рассмотренном примере диатетический сдвиг не только приводит к различному синтаксическому оформлению участников ситуации, но и «влечет вполне ощутимые различия прагматического порядка, которые можно представить как изменение коммуникативного (или синтаксического) ранга участников» [Падучева, 2004, с. 51].

Однако больше никаких изменений не происходит: лексема *убить* в обоих случаях описывает одну ситуацию с одними и теми же участниками (*разбойники* – субъект-Агенс, *крестьянин* – объект-Жертва). Следовательно, в обоих контекстах использована одна лексема *убить*, имеющая две диатезы, благодаря которым можно по-разному расставить смысловые акценты на участниках ситуации, изменив их коммуникативный ранг.

Таким образом, диатеза отражает связь между семантическими ролями (семантическими валентностями) и их синтаксическими позициями (синтаксическими актантами). Понятия диатезы, семантических и синтаксических актантов удобно использовать при анализе синтаксической структуры предложений со значением ликвидации результата действия.

Хотя известно, что не каждая семантическая валентность обязана быть реализована на синтаксическом уровне, а некоторые валентности неспособны заполняться в принципе (ср., например, *промахнуться* и др. [Лингвистика конструкций, 2010, с. 308–317]), тем не менее, в прототипическом случае ожидается, что каждой семантической валентности соответствует синтаксический актант.

Анализ материала. Проверим на языковом материале, так ли это в разных типах предложений с семантикой ликвидации результата действия: типе

предложений, обозначающих ликвидацию контакта, и типе предложений, обозначающих изменение формы предмета.

Как было сказано выше, предложения с пропозицией ликвидации контакта содержат предикат, который называет ситуацию с тремя обязательными участниками – Субъектом, Объектом 1 и Объектом 2. Безусловно, в различных ситуациях подобного типа бывают необходимы и другие обязательные участники, но, чтобы выявить типичные черты синтаксической структуры предложений с такими предикатами, сосредоточим внимание на поверхностной выражении именно Субъекта, Объекта 1 и Объекта 2 у нескольких предикатов со значением ликвидации контакта: *раздвинуть*, *разобрать* и *разгрузить*.

Глагол *раздвинуть* в значении ‘двигая в разные стороны, разъединить’ (значения здесь и далее взяты из «Словаря русского языка» в 4-х томах, или «Малого академического словаря» – МАС) обозначает ситуацию, в которой ликвидируется контакт между частями или деталями одного предмета либо между несколькими отдельными предметами, что подтверждают следующие контексты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ):

(1) *Она засуетилась, раздвинула дверцы встроенного шкафа* (А. Житков. Супермаркет. 2000);

(2) *Вместо этого он упер руки в бока, раздвинув полы куртки так, что видны стали кобура на поясе и значок на груди* (О. Дивов. Выбраковка. 1999);

(3) *Раздвинул две бочки, лег между ними, пошарил рукою внизу* (Г. Владимов. Три минуты молчания. 1969);

(4) *Раздвинули складной столик, поставили посреди комнаты* (С. Носов. Грачи улетели. 2005).

Раздвинуть, как показывают данные примеры, подчиняет себе зависимые со значением Субъекта, Объекта 1 и Объекта 2, причем валентности Объекта 1 и Объекта 2 выражаются синкретично – формой винительного падежа множественного числа или количественной конструкцией: примеры (1) – (3). Форма винительного падежа единственного числа, как в контексте (4), является метонимическим выражением валентностей Объекта 1 и Объекта 2 через название предмета, частями которого являются эти Объекты.

Таким образом, глагол *раздвинуть* используется в предложениях, где обязательно имеются зависимые со значением обоих Объектов, при этом происходит синкретичное или метонимическое заполнение валентностей Объекта 1 и Объекта 2, причем заполнение этих валентностей обязательно: **Он неторопливо раздвинул*.

Ситуацию, в которой происходит ликвидация контакта между деталями или частями одного предмета, но не между разными предметами называет, например, глагол *разобрать* в значении ‘разъединить, разнять что-л. на составные части’. В таком случае Объектом 1 и Объектом 2 можно считать те самые детали, между которыми ликвидируется контакт. Синтаксическое поведение глагола *разобрать* отражено в следующих примерах из НКРЯ:

(4) *Наверное, каждый из нас хотя бы раз пытался разобрать игрушку, чтобы посмотреть, что у нее внутри* (Е. Лозовская «Лоб в лоб» на скорости света // «Наука и жизнь». 1969);

(5) *Он собственноручно разобрал дом по бревнышку, по досточке, по гвоздику, выбрасывая гнилое и непригодное и сортируя все мало-мальски стоящее* (А. Слаповский. Не сбылась моя мечта. 1999);

(6) *Дома обветшали, а заборы на дрова разобрали* (А. Асмолов. Глубокое. 2015).

Судя по приведенным контекстам, *разобрать* может иметь зависимое в форме именительного падежа со значением Субъекта и зависимое в форме винительного падежа со значением того предмета, части или детали которого разъединяются, хотя зависимых в той же форме винительного падежа, называющих сами эти части или детали, не присоединяет: **разобрать детали игрушки; *разобрать бревна дома*. В таком случае имеет место метонимическое обозначение Объекта 1 и Объекта 2 – через название целого, элементами которого они являются. Интересно отметить, что факультативно зависимое со значением разъединяемых частей *разобрать* все же может присоединять – *по бревнышку, по досточке* (мы осознаем просторечность слова *досточка*, однако приводим данный контекст в силу его показательности для наших целей), *по гвоздику* в контексте (5), *на дрова* в контексте (6).

Для наших целей, как уже было сказано выше, важно отметить, что *разобрать* подчиняет зависимое, метонимически обозначающее Объект 1 и Объект 2, причем такое зависимое является необходимым в предложениях с *разобрать*: **Папа разобрал на дрова*.

Еще одну разновидность ситуаций, в которых происходит ликвидация контакта, можно продемонстрировать на примере глагола *разгрузить* в значении 'освободить от груза', который подробно описан в [Мухачёва, 2021]. В этой и подобных ситуациях в результате ликвидации контакта происходит освобождение одного предмета от другого или других предметов либо от субстанции, которая находилась на нем или в нем.

Синтаксически глагол *разгрузить* ведет себя следующим образом:

(7) *Вдвоем они быстро разгрузили телегу* (Ф. Абрамов. Две зимы и три лета. 1968);

(8) *Машину разгрузили, Надю оставили стеречь вещи* (В. Гроссман. Жизнь и судьба. 1960);

(9) *Они эти телевизоры полдня разгружали и еле-еле половину разгрузили* (А. Колесников. Дальнбойщики // «Столица». 1997);

(10) — *Иван Иваныч! Подсоби разгрузить дрова* (И. Бояшов. Танкист, или «Белый тигр». 2008).

Контексты (7) – (10), найденные в НКРЯ, показывают, что *разгрузить* способен присоединять зависимые со значением Субъекта, Объекта 1 и Объекта 2 – того предмета, который освобождают от груза, и того предмета, который является грузом. Однако ни в одном из приведенных предложений зависимые со значением Объекта 1 и Объекта 2 не встретились одновременно: в каждом из них выражен либо Объект 1, или Объект 2. Обнаруженный в НКРЯ пример одновременного выражения обоих этих валентностей представляется нам ненормативным:

(11) *В то же время, всегда надо было быть готовым разгрузить упавшую или испугавшуюся лошадь от вьюка, особенно съехавшего набок, не забывая при*

этом постоянно успокаивать ее, чтобы она не начала биться и метаться (А. Городницкий. «И жить еще надежде». 2001).

Невыразимость валентностей Объекта 1 и Объекта 2 при *разгрузить* в одном и том же контексте при возможном выражении их по отдельности свидетельствует о наличии у этого глагола двух диатез: в одной из них разгружаемый объект имеет коммуникативный ранг Центр, а объект-груз имеет коммуникативный ранг За кадром, не выражаясь поверхностно (ср. контексты (7) – (8)); в другой диатезе – наоборот: объект-груз имеет высокий коммуникативный ранг Центр, а разгружаемый объект находится За кадром (ср. контексты (9) – (10)).

Таким образом, синтаксическая структура предложений с глаголом *разгрузить* обязательно содержит компонент со значением Объекта 1 или Объекта 2 (ср. **Петя разгрузил вчера*), но не может содержать одновременно две зависящие от *разгрузить* словоформы с данными значениями: **Рабочие разгрузили вагоны от угля*.

Анализ контекстов с несколькими глаголами, обозначающими ситуации ликвидации контакта, показал, что способы выражения Объекта 1 и Объекта 2 при таких глаголах бывают различными, но либо один из объектов, либо оба обязательно должны быть названы в предложениях с подобными предикатами.

В ситуациях ликвидации определенной формы, которая возникла у предмета в результате предшествующего действия, обязательным участником, выполняющим роль Объекта, является один предмет. Одну из таких ситуаций называет глагол *развернуть* в значении ‘раскатать, растянуть по плоскости в длину или в ширину что-л. свернутое, скатанное’. Ниже приведено несколько контекстов из НКРЯ с глаголом *развернуть* в данном значении:

(12) *Полынин развернул газету и, увидев свою фамилию, стал читать* (К. Симонов. Случай с Польшинным. 1969);

(13) *Дядя Герман небрежно обломил печать, сорвал нить и развернул свиток* (Д. Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона. 2004);

(14) *Услужливый, красивый, черноглазый молодой человек, пожирая своего шефа глазами, развернул рулон бумаги, поднялся на помост и приколот к доске энцефалограмму* (И. Грекова. В вагоне. 1983).

В контекстах (12) и (13) содержатся зависимые от *развернуть* слова со значением Объекта, форма которого изменяется – слова *газету* и *свиток*. Интересно отметить, что в семантике слова *свиток* содержится информация не только о самом предмете, но и о той форме, которую имеет этот предмет: свиток – ‘Полоса бумаги, пергамента или иного писчего материала, свернутая в трубку. || Старинная рукопись в виде такой свернутой в трубку полосы’.

Для устройства ситуаций, в которых происходит изменение формы предмета, информация о форме действительно оказывается важной, что подтверждает контекст (14), где глаголу *развернуть* подчиняется зависимое со значением формы – *рулон*, а словоформа со значением Объекта – *бумаги* – зависит не от глагола *развернуть*. Следовательно, глагол *развернуть* имеет две диатезы, в одной из которых выведена в Центр информация об объекте, форма которого меняется, а в другой – информация о форме, в то время как информация об объекте помещена на Периферию.

Итак, хотя в одной из диатез *развернуть* не присоединяет зависимое со значением Объекта, другая диатеза этого глагола позволяет утверждать, что в предложениях с *развернуть* может быть компонент, непосредственно подчиняющийся глаголу и обозначающий предмет, форма которого изменяется в этой ситуации.

Безусловно, рассмотрение синтаксического устройства предложений с четырьмя глаголами не позволяет считать, что обнаруженные синтаксические особенности присущи всем предложениям с подобной семантикой, тем не менее, позволяет обнаружить сходство общей структуры таких предложений.

Результаты исследования. Рассмотрение семантических и структурных особенностей предложений со значением ликвидации результата действия дает следующие результаты.

Предложения со значением ликвидации результата действия содержат в своем составе пропозицию, которая является макроситуацией, состоящей из трех ситуаций. Первая, ликвидируемая ситуация – это «отголосок», результат предшествующего действия; вторая ситуация – это физическое действие, в ходе которого происходит ликвидация; третья ситуация – это возникшее в результате произведенного действия новое положение дел.

Среди пропозиций ликвидации результата действия выделяется два типа по наличию в них обязательных компонентов – актантов. В пропозициях первого типа, обозначающих ликвидацию контакта, три актанта – Субъект, Объект 1, Объект 2; в пропозициях второго типа, отражающих изменение формы предмета, два актанта – Субъект и Объект.

Общность семантики анализируемых предложений находит отражение в общности их формальной структуры.

Общую структуру довольно разнообразных предложений со значением ликвидации контакта между предметами или частями деталями одного предмета можно отразить с помощью следующей модели: 'Субъект + предикат ликвидации контакта + Объект 1 и / или Объект 2'.

Вышеприведенная своеобразная формула означает, что в полном предложении со значением ликвидации контакта минимальное количество компонентов – три: предикат ликвидации контакта и зависящие от него словоформы со значением Субъекта и со значением Объекта 1 и / или Объекта 2. Компонент, отраженный в формуле в виде «Объект 1 и / или Объект 2», показывает, что при реализации этой модели с разными предикатами заполнение валентностей Объекта 1 и Объекта 2 бывает весьма разнообразным и зачастую индивидуальным для каждого предиката: это может быть и синкретичное, и метонимическое заполнение валентностей, и заполнение валентностей в разных диатезах. Важно, что словоформа со значением любого из объектов или двух объектов сразу обязательно должна быть в предложении.

Схематичная модель предложений со значением изменения формы предмета тоже содержит три компонента: 'Субъект + предикат изменения формы + Объект', причем все три компонента являются обязательными в полном предложении, построенном по данной модели. Предикаты со значением изменения формы

предмета способны присоединять зависимое со значением Объекта хотя бы в одной диатезе, если у каких-то из них имеется несколько диатез.

Нивелируя разницу между двумя подтипами предложений, можно сформулировать формулу, отражающую модель всех предложений со значением ликвидации результата действия: 'Субъект + предикат со значением ликвидации результата действия + Объект'.

Выводы. Проведенный в данной статье анализ семантики и структуры предложений со значением ликвидации результата действия показывает, что подобные предложения можно рассматривать как семантико-структурный тип.

Представляется, что подобный подход можно применять ко многим русским предложениям определенной семантики. Результаты, полученные в ходе такого анализа предложений, могут быть полезны не только с теоретической, но и с практической точки зрения. Они позволяют прояснить некоторые теоретические вопросы и положения, а также дают сведения, которые можно использовать при практическом описании грамматики языка и при обучении русскому языку.

Литература

- Апресян, Ю. Д. (отв. ред.). (2010). *Теоретические проблемы русского синтаксиса: взаимодействие грамматики и словаря*. Москва: Языки славянских культур.
- Апресян, Ю. Д. (1995). *Избранные труды: в 2 т. 2-е изд. испр. и доп. Т. I: Лексическая семантика (синонимические средства языка)*. Москва: Языки русской культуры.
- Арутюнова, Н. Д. (2019). *Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы*. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- Золотова, Г. А. (1973). *Очерк функционального синтаксиса русского языка*. Москва: Наука.
- Мельчук, И. А., Холодович А. А. (1970). К теории грамматического залога. *Народы Азии и Африки*, 4, 111–124.
- Мухачёва, И. В. (2021). Глаголы ликвидации результата действия: семантико-синтаксический аспект (на примере глаголов *разбинтовать*, *развернуть*, *разв्यूчить*, *разгрузить*). *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание*, 1, 32–46.
- Падучева, Е. В. (2004). *Динамические модели в семантике лексики*. Москва: Языки славянской культуры.
- Рахилина, Е. В. (отв. ред.). (2010). *Лингвистика конструкций*. Москва: Азбуковник.
- Словарь русского языка: в 4-х т. (1999). *Русская литература и фольклор: фундаментальная электронная библиотека*. Электронный ресурс: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>
- Холодович А. А. (отв. ред.). (1969). *Типология каузативных конструкций: морфологический каузатив*. Ленинград: Наука.
- Храковский, В. С. (1972). *Проблемы деривационной синтаксической теории*: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та.
- Шмелева, Т. В. (1994). *Семантический синтаксис: текст лекций*. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та.

References

- Apresian, Iu. D. (1995). *Selected works. V. I. Lexical semantics (synonymic means of language)*. Moscow: «Vostochnaja literatura» RAN Publ. (In Russian).
- Apresian, Iu. D. (Otv. red.). (2010). *Theoretical issue of Russian syntax: Interaction of grammar and vocabulary*. Moskva: lazyki slavianskikh kul'tur Publ. (In Russian).
- Arutiunova, N. D. (2019). *The sentence and its meaning: Logical and semantic problems*. Moskva: Knizhnyi dom «LIBROKOM» Publ. (In Russian).
- Dictionary of Russian language. In 4 vols. *Russkaya literatura i fol'klor: fundamental'naya elektronная biblioteka*. Retrieved from <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>
- Kholodovich, A. A. (Otv. red.). (1969). *Typology of causative constructions. Morphological causative*. Leningrad, Nauka Publ. (In Russian).
- Khrakovskii, V. S. (1972). *Issue of derivational syntactic theory*. Tbilisi: Tbilisi univ. Publ. (In Russian).
- Mel'chuk, I. A., Kholodovich, A. A. (1970). On the theory of grammatical voice. *Narody Azii i Afriki*, 4, 111–124. (In Russian).
- Mukhacheva, I. V. (2021). Verbs denoting the elimination of the result of an action: semantic-syntactic aspect (as exemplified by verbs *razbintovat'*, *razvernut'*, *razv'yuchit'*, *razgruzit'*). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii 2, lazykoznanie*, 1, 32–46. (In Russian).
- Paducheva, E. V. (2004). *Dynamic patterns in a semantics of vocabulary*. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ. (In Russian).
- Rakhilina, E. V. (otv. red.). (2010). *Construction linguistics*. Moskva: Azbukovnik Publ. (In Russian).
- Shmeleva, T. V. (1994). *Semantic Syntax: Text of lectures from the course "Modern Russian"*. Krasnoiarsk, Izdatel'stvo Krasnoiarskogo gosudarstvennogo universiteta. Publ. (In Russian).
- Zolotova, G. A. (1973). *Study of the functional syntax of the Russian language*. Moskva: Nauka Publ. (In Russian).

Для цитирования статьи:

Мухачёва, И. В. (2023). Предложения со значением ликвидации результата действия как семантико-структурный тип. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(7), 103–116. DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-103-116

For citation:

Mukhacheva, I. V. (2023). Sentences denoting the elimination of the result of an action as a semantic-structural type. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(7), 103–116. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-103-116